

УНИВЕРСИТЕТ И ДАР: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Н. Н. ЕМЕЛЬЯНОВ, И. В. ПАВЛЮТКИН

В статье предлагается ввести понятие дара в теорию и практику университетской жизни. Предположение авторов состоит в том, что реализация идеи университета связана с особым типом его организации, который предполагает отношения дара в качестве связующего элемента в процессе передачи знания. Если знание дается как дар и в ситуации дара, то университетская среда неизбежно должна включать в себя отношения дара. Дар описывается как богословская и антропологическая категория, а затем соотносится с концепциями образования зарубежных богословов и идеями современных экономистов. Опираясь на понятие дара, формулируется проблема современного университета, которая заключается в его экономической обусловленности и проникновении рыночного мышления в академическую среду. Знание как безусловная ценность, обращающаяся в круг обмена дарами, на практике смешивается с утилитарным обменом, в котором знание приобретает свою цену, что неизбежно отражается на взаимодействии преподавателей, студентов и администрации.

Введение

Предлагаемый текст написан в качестве промежуточного итога реализации коллективного исследовательского проекта¹, нацеленного на анализ и объективацию эффектов такого нового и непривычного для России феномена, как православный университет². Работа велась в течение последних трех лет группой

¹ Проект реализован и финансировался в рамках деятельности исследовательского семинара «Социология религии» ПСТГУ (<http://socrel.pstgu.ru/>). В 2012–2013 гг. проект частично финансировался за счет гранта РГНФ «Гражданская миссия университетов в России: социальные эффекты образовательных институтов».

² В истории России до недавнего времени не существовало христианских университетов, хотя и в конце XIX в., и в начале XX были инициированы несколько проектов по созданию богословских факультетов в императорских университетах и открытию православного бого-

исследователей, состоящей из социологов, философов и богословов. Основной этап проекта проходил в 2011–2013 гг. и включал, помимо теоретической работы, сбор глубинных интервью, анкетирование студентов и выпускников самого университета, а также анкетирование студентов девяти государственных вузов (по направлениям теология, экономика, педагогика, гуманитарные науки). Полученные данные позволили сформулировать и эмпирически обосновать гипотезу о значении православного университета для отбора и формирования человека, реализующего на практике идеи и ценности служения, которые не могут быть описаны в исключительно экономических категориях. Результаты этого исследования сегодня доводятся до публикаций и обсуждаются в разных аудиториях³.

Задача настоящего текста состоит не в представлении наблюдаемых эффектов университета, а в том, чтобы, опираясь на опыт его изучения, сформулировать и обосновать постановку вопроса о введении в исследование и практику университетской жизни понятия дара, которое и позволяет проблематизировать идею служения в университете⁴. Одна из гипотез состоит в том, что реализация идеи университета связана с особым типом его организации, которая предполагает *отношения дара* в качестве связующего элемента в процессе передачи знания. Дар описывается здесь как богословская и антропологическая категория, которая впоследствии может быть операционализована и объективирована на уровне университетской организации — найма преподавателей и приема студентов, устройства времени и оплаты труда, отношений студентов, преподавателей и администраторов в рамках процесса обучения. Такая задача представляется

словского института для мирян. Задачу предоставления богословского образования и подготовки священников решали духовные семинарии и академии. Термин «православный университет» до сих пор является довольно непривычным. Как сказал один из наших респондентов в ходе исследования, «многие до сих пор не могут понять, что это за явление такое непонятное — что-то среднее между светским вузом и духовной семинарией». Быть православным университетом не так просто — у государства есть свои вузы, а у Церкви свои семинарии.

³ Емельянов Н. Н., Мелкумян Е. Б., Павлюткин И. В. Православный университет и общество в России. Выпускники православного университета: поведение, ценности, установки. М., 2013; Забаев И. В., Павлюткин И. В. Университет и два значения ответственности: объективация общественных эффектов образовательных институтов (на примере опроса выпускников православного университета) // Вопросы образования. 2014. № 2. С. 202–221; Павлюткин И. В. Преодолевая границы между государством и Церковью: случай православного университета // Этнографическое обозрение. 2012. № 3. С. 47–64; Melkumyan E., Prutskova E., Pavlyutkin I. Religiosity, Social Capital and Civic Engagement: Cluster Effects on Russian Undergraduate Programmes // Paper presented in track 5 at the EAIR 36 th Annual Forum in Essen, Germany 27–30 August 2014 (Ресурсы: <http://eairww.websites.xs4all.nl/forum/essen/PDF/1514.pdf> (дата обращения: 23.10.2014)).

⁴ Само понятие служения давно приобрело вполне рыночные коннотации. Многие крупные компании, являясь вполне экономическими предприятиями, имеют свою миссию, ценности и проповедают *служение* им. Так, например, компания «John Deere», производящая трактора, исповедует ни много ни мало «*служение* интересам тех, кто работает на земле» («Наши руководящие принципы. John Deere». 2012. Сент.). В этой подмене понятий пропадает основное отличие служения от работы. Служение предполагает в первую очередь дарение, хотя и может быть отчасти связано с работой и заработком. Работа предполагает в первую очередь заработок, хотя и может быть отчасти связана со служением и даром.

сегодня актуальной в связи с обсуждениями вопросов развития университетов, обеспокоенных сохранением своей идентичности.

Привлечение понятия дара для переосмысления идеи университета и его организации на первом этапе позволит произвести смещение фокуса с университетов, направляемых неповторимыми лидерами, и университетов, зависимых от формальной организации, на университеты, укорененные в сообществах. Предлагаемый подход позволит уйти от чисто персоналистского объяснения работы университета, с одной стороны, и от институционально-экономического взгляда — с другой.

Первый подход ставит в качестве первопричины значение лидерства и личного авторитета как источника и «производителя» смыслов, разделяемых преподавателями, студентами и администраторами. Становление и развитие университета становятся героической историей или сагой, состоящей из падений и взлетов, направляемых ректором и его соратниками, верующими в определенную идею⁵. Совершенно разные российские и западные университеты предлагают сегодня подобные истории самоописания, которые, с одной стороны, не могут не восхищать их читателя и слушателя, а с другой стороны, приводят к неизбежному вопросу о возможности воспроизводства университетской корпорации в ситуации ухода или смены лидера(ов). Неужели все, что происходило и происходит с университетом, вменяется уникальному (случайному?) историческому примеру, который невозможно повторить?

Второй подход, который сводится к институциональному и ресурсному объяснению университетской жизни, наоборот, страдает от засилья «экономизмов» и «социологизмов». Реальность университетской жизни начинает подчиняться набору внутренне непротиворечивых схем, которые легко обнаружить через наблюдаемые организационные признаки — объем ресурсов, организационная структура, контракты, формальные правила⁶. Вместе с тем приверженцы данного подхода трактуют идею целостности университетской корпорации через

⁵ Понятие «организационная сага», которое позволяет уловить значение персонализма для университетской организации, введено в оборот социальных наук Р. Б. Кларком в 1960-е гг. по результатам исследования протестантских колледжей в США. «Организационная сага представляет собой коллективное понимание уникальных достижений, которые основаны на исторических подвигах формальной организации и обеспечивают сильную нормативную связь внутри и за пределами организации. Верующие в нее обеспечивают лояльность к организации, гордятся ею и черпают из этого свою идентичность. Сага начинается с мощной цели, провозглашенной человеком (или небольшой группой) с миссией, и с необходимостью выполняется, так как закреплена в организационных практиках и ценностях доминирующего организационного состава, на что, как правило, требуются десятилетия развития» (*Clark B. R. The Organizational Saga in Higher Education // Administrative Science Quarterly. 1972. Vol. 17. No. 2. P. 178*).

⁶ См., например: *Даймонд А. М., мл. Поведение университетов и ученых: экономические объяснения // Экономика университета: институты и организации / М. В. Семенова, ред. М., 2007. С. 8–48; Эренберг Р. Г. Теория Адама Смита и университеты: экономист становится управляющим вуза // Экономика университета: институты и организации / М. В. Семенова, ред. М., 2007. С. 78–107; Krücken G., Meier F. Turning the University into an Organizational Actor // Globalization and Organization / G. S. Drori, J. W. Meyer, H. Hwang, eds. Oxford, 2006. P. 241–257; Ramirez F. O. The Rationalization of Universities // Transnational Governance: Institutional Dynamics of Regulation / M.-L. Djelic, K. Shalin-Andersson, eds. Cambridge, 2006. P. 225–244.*

организационную или экономическую целостность. Университет интегрирован постольку, поскольку есть эффективные менеджеры, которые управляют его организацией и потоками входящих и исходящих ресурсов через контракты, стимулы и санкции. Под ресурсами в данном случае понимают не только денежные ресурсы, но и время, таланты, идеи — все, что может быть конвертировано и ликвидно на так называемом рынке образования. Для строительства университетов «мирового класса» есть набор рецептов от признанных международных экспертов и ряда отечественных управленцев⁷. Один из рецептов состоит в так называемой трехфакторной модели: концентрация талантов — обильное финансирование — благоприятная система управления. Утверждается, что на пересечении этих факторов возможно создание конкурентоспособного университета. Такой подход демонстрирует, что знание, бывшее когда-то безусловной ценностью, приобретает свою экономически обусловленную стоимость. Например, найм преподавателя для университета превращается в оптимизационную задачу, при которой возможно предложить цену контракта, оценивая эффективность, измеряемую количеством публикаций определенного качества. Чем больше количество публикаций, тем выше цена «знаний контракта». Такое проникновение идей совершенства, ранжирования и рыночного мышления в университет, академическую работу и обучение не раз подвергалось критике⁸.

Вопрос, который представляется важным в этой работе, — можно ли указать какие-то иные условия передачи знания⁹, позволяющие университету существовать и поддерживать свою целостность? Может ли целостность университета удерживаться сообществом, а не быть только результатом уникальных лидерских качеств или эффективного менеджмента? Если идея сообщества представляется важной для осмысления университетской организации (знание может передаваться только в определенном типе сообщества), то каким образом она может быть операционально представлена для последующего исследования и управления?

Для получения ответа на данные вопросы мы представим обоснование необходимости включения категории дара в дискуссии об университете. Мы обратимся к богословской и антропологической традиции. Если богословие дара позволит по-новому поставить вопрос об идее университета и передаче знания, то антропология дара позволяет описать необходимые социальные условия университетской организации и передачи знания.

⁷ Дорога к академическому совершенству: Становление исследовательских университетов мирового класса / Ф. Дж. Альтбах, Дж. Салми, пер. М., 2012.

⁸ Ридингс Б. Университет в руинах / А. М. Корбут, пер. М., 2010; Higton M. A. Theology of Higher Education. N. Y., 2012; Нуссбаум М. Не ради прибыли: Зачем демократии нужны гуманитарные науки / М. Бендет, пер. М., 2014; Забаев И. В., Павлюткин И. В. Университет и два значения ответственности: объективация общественных эффектов образовательных институтов (на примере опроса выпускников православного университета) // Вопросы образования. 2014. № 2. С. 202–221.

⁹ Мы намеренно концентрируем внимание на идее передачи знания, оставляя в стороне вопрос его получения или «производства». Это не значит, что мы понимаем университет в ньюменовском смысле — только как место передачи знания. Также это не означает, что представленные ниже рассуждения не могут быть соотнесены и с ситуацией получения или производства знания.

Идея университета и богословие дара

Не претендуя на детальный анализ понятия университета, остановимся на двух важных богословских интерпретациях этого понятия, позволяющих поставить вопрос о необходимости привлечения богословской теории дара для дополнения существующих моделей университета.

Классическим трудом, определившим базовую модель христианского университета и оказавшим огромное влияние на понимание университета в целом, является «Идея университета» Дж. Г. Ньюмена. С завидным постоянством работы по исследованию современных университетов отсылают к этой отправной точке. Тем более значимой модель Ньюмена является для понимания христианского университета. Ньюмен выстраивает понятие университета не в контексте понятий сообщества или академической организации. Его теория опирается на понятие универсального знания и понятие Церкви. По мнению Ньюмена, «ничто не может уберечь католичность Университета... если Церковь не вдохнет в него свое чистое и неземное дыхание»¹⁰. Логика Ньюмена вытекает из богословского понимания Церкви как «столпа и утверждения истины» (1 Тим 3. 15). Истины Откровения могут быть сохранены в университете только под «защитой» Церкви¹¹. Вместе с тем он не настаивает на каком-либо диктате Церкви в университете. «Принцип ее всегда один и тот же всюду: не запрещать истину ни в каком виде, но следить, чтобы никаких иных, кроме правильных, доктрин под названием истины не оказывалось»¹².

Ньюмен никак не операционализирует функцию Церкви в университете, однако считает, что «Откровение в общем и целом содержится в доктрине... и единственной санкцией при этом выступает церковный авторитет»¹³. Такое понимание неизбежно отсылает к понятию церковного авторитета в католическом богословии, которое имеет выраженный юридический характер, связанный с догматом о папской непогрешимости. Известно, что сам Ньюмен, хотя и признал этот догмат, принятый при его жизни на I Ватиканском соборе (1869–1870), но не приветствовал его¹⁴. Тем не менее у Ньюмена понятие церковного авторитета в католическом университете прямо определяется как «юрисдикция Церкви»¹⁵. Более того, католический подход противопоставляется протестантскому¹⁶, когда Писание рассматривается «как большое собрание явлений, от которых всякий отдельный христианин имеет возможность приходиться... к тем же религиозным заключениям, которые оказываются доказанными его рассуждением»¹⁷. Это

¹⁰ Ньюмен Дж. Г. Идея университета. Минск, 2006. С. 188.

¹¹ Этот тезис составляет основное содержание Беседы IX «Обязанности Церкви в отношении Знания» (Там же. С. 185–205).

¹² Там же. С. 202.

¹³ Там же. С. 193.

¹⁴ В письмах он высказывался достаточно резко: «Я не буду верить, что безошибочность папы будет провозглашена, до тех пор, пока она не будет провозглашена» (A Letter Addressed to the Duke of Norfolk on Occasion of Mr. Gladstone's Recent Expostulation. Certain Difficulties Felt by Anglicans in Catholic Teaching, 1900. Vol. 2. P. 300).

¹⁵ Ньюмен Дж. Г. Указ. соч. С. 187.

¹⁶ Ньюмен пользуется именно обобщающим термином «протестантизм».

¹⁷ Там же. С. 195.

противопоставление оказывается важным для понимания идеалов экспериментальной и полезной науки, сформировавшихся под влиянием именно протестантизма. В дальнейшем именно эти идеалы становятся во многом определяющими в формировании современных университетов. Р. Мертон показывает, что пуританская этика (как базис аскетического протестантизма) стала одним из важнейших элементов культивирования науки в XVII в., а ее провозглашенными ценностями стали эмпиризм и утилитаризм¹⁸.

Модель Ньюмена получила интересное развитие в работе Майка Хигтона «Теология высшего образования»¹⁹. Это исследование посвящено секулярным университетам, никак не связанным с какой-либо конфессией. Хигтон рассматривает историю становления университета в Европе и стремится найти ее богословские референции, а затем выстраивает модель секулярного университета.

В модели Хигтона настоящим университетом может быть только тот, в котором происходит постоянный диалог различных религиозных и секулярных традиций. Предлагаются четыре концепции, характеризующие современный университет: университет добродетели (*virtuous university*), социальный или социабельный университет (*sociable university*), университет блага (*good university*) и университет переговоров (*negotiable university*). Хигтон делает не до конца убедительную попытку операционализировать эти концепции. Для Хигтона университет является моральным сообществом, которое несет и передает определенные ценности, способно к обсуждению и взаимодействию между различными религиозными и секулярными традициями и в этом взаимодействии может обсуждать проблемы общего и общественного блага.

Будучи англиканином, Хигтон оппонирует ньюменовской идее «эксклюзивности» католического университета. В модели Хигтона нет места юридическому пониманию церковного авторитета и «юрисдикции Церкви» в университете. Университет понимается скорее как сообщество. Влияние Церкви в университете соотнесено с евхаристической общиной. В главе «Англиканское богословие знания» именно с Евхаристией связано получение истины Откровения, которая подается Христом как дар²⁰. Для Хигтона «есть что-то глубоко последова-

¹⁸ «Разве не сторонится пуританин праздности, наводящей на греховные мысли (или мешающей ему следовать своему призванию)? А “какое место может быть вещам низким и незначительным в уме, употребляемым столь полезно и успешно [как в естественной философии]?” Разве не пагубны и не угодны плоти театральные представления и сборники пьес (разве не отвращают они от более серьезных занятий)? Стало быть, “настало время заняться экспериментами, дабы они возвысили нас, научили нас Мудрости”, проистекающей из глубин Знания, разогнали тени и рассеяли туманы [духовной дезориентации, приносимой Театром]. И наконец, разве не следует предпочесть монашескую жизнь, посвященную благородной деятельности в миру? Но тогда признайте факт, что изучение естественной философии “не предрасполагает нас к потаенной тиши монашеской Кельи: оно делает нас полезными Миру”. Короче говоря, наука воплощает в себе две высоко превозносимые ценности: утилитаризм и эмпиризм» (*Мертон Р.* Пуританство, пиетизм и наука // Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 802).

¹⁹ *Higton M. A.* *Theology of Higher Education*. N. Y., 2012. Автор книги, молодой профессор богословия Майк Хигтон, преподает в нескольких университетах Великобритании и одновременно является одним из руководителей междисциплинарного исследовательского проекта «Религия и идея исследовательского университета» в университете Кембриджа.

²⁰ *Ibid.* P. 143–170.

тельное в том, чтобы, придя с Евхаристии в воскресенье, пойти в понедельник утром в университет»²¹. Следует признать, что эта метафора (знания как евхаристического дара) не получает у Хигтона развития и не становится концепцией построения современного университета.

Дар — одно из центральных понятий в христианском богословии. Само спасение человека является даром: «Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился» (Ефес 2. 8–9). В 2 Кор 9 говорится о даре Бога, который в свою очередь соотносится с дарами Духа Святого, трудами проповеди и даже собранными пожертвованиями. Таким образом, вся христианская жизнь ставится в зависимость от понятия дара и определяется им. Богословие дара активно развивалось в богословии XX в. и продолжает развиваться. Достаточно назвать таких авторов, как Ж. Деррида, Ж.-Л. Марион, Дж. Милбанк и другие²².

Проблематизация богословия дара может быть самой разной. Стивен Вебб пытается обозначить основную проблему как противопоставление между «эксцессом»²³ (excess) и «обменом» (exchange). Вебб соотносит эксцесс с ницшеанским «расточительством». «Расточительствовать — это тратить, дарить вопреки метафизической эстетике баланса и пропорциональности, действовать опрометчиво, не обращая внимания на спокойный, холодный голос разума»²⁴. Этому противостоит понимание дара, которое фактически сводится к экономическим отношениям, когда дар на самом деле является скрытой формой обмена. Как считает Деррида, дар «аннулируется всякий раз при воздаянии или отдаривании»²⁵. Это приводит его к парадоксальному выводу: «...дар не может являть себя в качестве такового. Таким образом, дар не существует как таковой, если под существованием мы понимаем то, что он имеет место и созерцательно опознается как таковой. Итак, дар не существует и не являет себя как таковой; невозможно, чтобы дар существовал и являл себя таковым»²⁶. Однако Вебб утверждает, что возможно построение адекватной теории дара на богословском видении «Бога как прообраза всякого дарителя и Церкви как сообщества дарителей»²⁷. Такая «теоэкономика» позволяет снять противоречие между «эксцессом» и «обменом», соединить несоединимое, сделать их «аспектами единого процесса щедрости и взаимности»²⁸. Богословие дара выдвигает на первый план идею сообщества, существующего по принципу теоэкономики, т. е. способного постоянно прини-

²¹ Highton. A. Op. cit. P. 202.

²² Derrida J. Donner la mort // L'éthique du don. Colloque de Royaumont. P., 1992; *Idem*. Donner le temps. I. La fausse monnaie. P., 1991; *Idem*. Foi et savoir, suivi par Le siècle et le pardon. P., 2000; *Idem*. L'impardonnable et l'imprescriptible. P., 2005; Marion J.-L. Au lieu de soi. L'approche de Saint Augustin. P., 2008; Milbank J. Being Reconciled: Ontology and Pardon. L., 2003.

²³ Термин «excess» можно также перевести как «избыток», что является более релевантным для экономической антропологии, однако исключает другие смыслы, близкие к значению «выходка».

²⁴ Webb S. H. The Gifting God: A Trinitarian ethics of excess. N. Y., 1996. P. 15.

²⁵ Derrida. Donner le temps... P. 25.

²⁶ О Даре. Дискуссия между Ж. Деррида и Ж.-Л. Марионом / В. Р. Рокитянский, пер. // Логос. 2011. № 3 (82). С. 150.

²⁷ Webb. Op. cit. P. 16.

²⁸ Ibid.

мать дар, передавать дар и быть даром²⁹. Это возможно только при принятии дара от Бога, который конституирует всякий дар. Таким образом, только религиозное сообщество может удерживать дар как принцип своего существования.

Каким образом богословие дара может быть соотнесено с моделью современного университета?

Такое соотношение возможно через христианскую теорию познания. Богословием в понимании древней церковной традиции всегда было прежде всего опытное познание Бога, тесно связанное с молитвенной и литургической практикой. Евагрий Понтийский говорит: «Если ты богослов, то будешь молиться истинно, а если истинно молишься, то ты богослов»³⁰. «Для Петра Дамаскина богословие — наивысшая из восьми ступеней духовного созерцания, эсхатологическая реальность будущего века, позволяющая нам выйти за пределы самих себя в “экстатическом восхищении”»³¹. При таком понимании богословие соотносится с мистическим опытом христианского подвижника. Мистический опыт может быть только даром божественной благодати, всегда имеющим характер «экцесса», превосходящим всякую ограниченность³². Богословие как наука, как рациональное знание возможно только как осмысление этого мистического опыта Церкви, и, таким образом, оно становится в прямую зависимость от этого дара. «Церковь как евхаристическое собрание, собственно, и становилась в поместной общине местом (locus) учительства»³³.

Исходя из этого тезиса, могут быть дополнены в равной мере и модель Ньюмена, требующая универсальности знания, преподаваемого в университете, и модель Хигтона, предполагающая наличие и взаимодействие разных религиозных и секулярных традиций внутри университета. Действительно, в модели Хигтона ньюменовская идея универсальности знания реализуется через взаимодействие различных секулярных и религиозных традиций в университете. Христианская религиозная традиция не может объективировать себя иначе как посредством евхаристической общины. Как такая община может быть включена во взаимодействие с другими религиозными и секулярными традициями? Только через механику дара. Таким образом, христианская теория познания принципиальным образом требует, чтобы сообщество, продуцирующее университет, было способным к дару.

Богословие дара дает возможность помыслить университет (передачу знания), который предполагает ситуацию дара. Это, в свою очередь, означает возможность продуктивного взаимодействия различных религиозных и секулярных традиций, в том числе предполагающих разную природу получения знания (как религиозного, так и гуманитарного и естественного), такое взаимодействие вне ситуации дара существовать не может. Эта посылка делает постановку вопроса

²⁹ *Webb*. Op. cit. P. 11.

³⁰ Слово о молитве 61 // Творения аввы Евагрия. М., 1994. С. 83.

³¹ *Каллист Диоклийский*, еп. Священное Писание и святые Отцы о богословском образовании // Богословский сборник. Вып. 1. М., 1997. С. 143.

³² См., например: *Мейендорф И., протопр.* Православное богословие сегодня // Пасхальная тайна: Статьи по богословию. М., 2013. С. 712–730; *Он же.* Свет с Востока? «Богословствование» в перспективе Восточного христианства // Пасхальная тайна... С. 745–764.

³³ *Мейендорф.* Свет с Востока... С. 751.

о критике лидерской или институционально-ресурсной моделей университета с позиции теории дара вопросом его выживания. В данной модели только сообщество, вовлеченное в ситуацию дара и конституированное им, может быть положено в основу формирования университета. Только ситуация дара может быть тем местом (локусом), в котором случается (производится и передается) истинное/полезное знание³⁴. Наконец, только религиозная природа пафоса, вдохновляющего такое сообщество, может обеспечивать удержание ситуации дара в университете.

Богословие дара позволяет предположить, что именно это понятие может быть положено в основу операционализации сообщества, продуцирующего университет. Именно поэтому предлагаемый здесь ответ состоит в необходимости обратиться к антропологической теории дара, которая позволяет обнаружить в университете признаки сообщества, операционализировать их и поставить вопрос о роли университета в со-обществлении людей, в него приходящих.

Университетское сообщество и обмен дарами

Понятие дарообмена, введенное в социальные науки в начале XX в. Б. Малиновским и особенно М. Моссом в его знаменитом очерке о даре, осталось незамеченным в поле исследований высшего образования. Несмотря на его дальнейшую разработку и новые антропологические исследования о культуре дара в разных обществах, оно не воспринимается сегодня в качестве операционального понятия, позволяющего описать реальность университетской жизни и уж тем более ее организации³⁵. Дело ограничивается либо указанием на факт начала великих университетов с больших даров, будь то Гарвард, Кембридж или Чикагский университет, либо восхищением размерами эндаумент-фондов университетов Гарварда, Стэнфорда, Йеля или Оксфорда. В действительности обмен дарами представляется более широким понятием, охватывающим не только и не столько материальные, сколько священные, а значит бесполезные в функциональном смысле объекты. Более того, введение понятия дарообмена в социальные науки позволяло впоследствии выстроить альтернативу засилью «экономического империализма» с его рыночным мышлением, которое проникло и в сферу образования. Исследование кругов обмена «кула», реализованное Б. Малиновским и критически осмысленное М. Моссом, позволило по-другому взглянуть на социальную природу обмена не только в так называемых архаичных, но и современных нам обществах. Фундаментальное различие, которое произвели авторы, заключалось в различении так называемого обмена «кула», который олицетворял собой благородный обмен дарами, и «гимвали», представляющего собой простой экономический обмен полезными вещами. Как писал Б. Малиновский, для тробрианца не было большего оскорбления, чем вести «кула» так, словно это «гимвали», что применительно к современным обществам означает необхо-

---

³⁴ Мы осознаем всю проблематичность вводимой здесь богословской категории знания для трансляции ее на сферу так называемого научного знания и намеренно не хотим касаться этой важной в данном контексте темы, чтобы не потерять основной логики текста.

³⁵ Gregory C. Gifts and Commodities. L.; N. Y., 1982; Годелье М. Загадка дара. М., 2007.

димось различения дара и рынка, которое происходит и даже незаметно, как только мы вступаем в отношения обмена. Если отношения дара устанавливают отношения взаимности и даже взаимозависимости, что является необходимым элементом сообществления, то рыночные отношения работают как инструмент разрыва социальных связей и завершения отношений.

Принципиально важным оказывается понимание того, что это различие не просто абстрактный теоретический постулат. Его непонимание приводит к социальным трениям, которые можно видеть сегодня в тот момент, когда сторонний наблюдатель распознает «рыночные отношения» внутри церковной ограды, видя, как тот или иной человек платит за свечи или совершение треб³⁶. Первое что приходит ему в голову — приписать этим отношениям статус рыночных и попросить их оформления в правовые рамки. Например, Ссорин-Чайков пытается показать, что чисто описательное различие между даром и товаром просто невозможно. Он утверждает, что это различие перформативное. В описанном им примере шкура медведя, последовательно передаваемая двумя эвенками друг другу, становится объектом дара или обмена, в зависимости от того, кто является участником данного эпизода. Одна и та же шкура в одном и том же эпизоде становится даром в присутствии этнографа и перестает быть таковым при появлении жены дарителя³⁷. Сперва обладатель шкуры стремился продемонстрировать этнографу свой племенной обычай (дарить шкуру убитого медведя неродственнику), а непосредственно за этим его жена договаривается о возможности забрать в обмен столько товаров, сколько можно будет унести за один раз. При этом Ссорин-Чайков выпускает из вида одну важную деталь, нашедшую четкое отражение в его описании эпизода со шкурой. Медвежья шкура становится даром дважды, и оба раза обоснованием дара является обычай дарить шкуру убитого медведя неродственнику³⁸. Обычай тесно связан с религиозными представлениями эвенков, жестко регламентирующими убийство медведя. Таким образом, в данном эпизоде шкура становится даром в силу религиозного обычая. Это вполне отвечает обозначенному выше религиозному измерению дара. Именно религиозная составляющая дара может иметь важное значение для понимания устройства университетской организации.

Различение дара и рынка, производимое в социальных науках, опирается на два важных элемента обмена — время и эквивалентность. Если рыночные отношения предполагают произведение обмена здесь и сейчас, когда возврат средств за полученную вещь происходит немедленно, то в отношениях дара немедленный возврат дара может оскорбить дарящего, хотя у каждого человека, в

³⁶ Объяснить сегодня студенту-экономисту чистый дар или безусловную трату представляется практически невозможным делом — за этим он увидит рациональный расчет дарящего или власть принимающего дар. Сегодня появляется все больше слов-заменителей, которыми часто обозначают дар, — инвестиция, взятка, субсидия, подарок. Сами по себе эти акты не способны передать смысл отношений дарообмена, так как содержат в себе расчет. Тем не менее именно они насыщают современный дискурс вокруг образования и университета.

³⁷ *Ссорин-Чайков Н. В.* Медвежья шкура и макароны: о социальной жизни вещей в сибирском совхозе и перформативности различий дара и товара // *Экономическая социология*. 2012. Т. 13. № 2. С. 59–81.

³⁸ Там же. С. 63, 64.

теории М. Мосса, есть обязанность дарить, обязанность принимать дар и обязанность возмещать дар. В этом смысле ответный дар не может быть возмещен немедленно, он отсрочен и может не происходить напрямую³⁹. Вторая важная особенность касается понятия эквивалентности. Обмен дарами не является строго *эквивалентным* обменом в отличие от обмена экономическими благами. Дар должен быть возмещен, но не сразу и не в эквиваленте принятого дара, что также будет свидетельствовать скорее о калькулятивном, а значит утилитарном характере отношений. Ответный дар должен быть *адекватным* дару принятому.

Почему понятие дара имеет значение для понимания устройства университетской организации? Одна из проблем современного университета заключается в его экономической обусловленности. Дело не в том, что университет, как и любая институция, вписан в экономическую систему. Дело в том, что знание, традиционно обращающееся в круге обмена дарами, укорененное в ритуалы, символизирующие его безусловную ценность, смешивается с утилитарным обменом, в котором знание приобретает свою цену и при котором поведение студента или преподавателя принимает форму решения оптимизационной задачи. Неправильное решение такой задачи помещает человека в разряд неэффективного агента или должника.

Важно различать отношения, выстроенные в логике рынка (контракта) и дара в университетской среде. Постсоветская трансформация поставила в высшем образовании во главу угла рыночные отношения. Например, большинство вузов, оказавшись в ситуации бюджетного недофинансирования, вводили плату за обучение и открывали пользующиеся спросом программы разделяя группы внутри университета на контрактные и бюджетные и предъявляя к ним разные требования. Само по себе введение платы еще не говорит о доминировании рынка в противовес отношениям дара и наоборот. Об этом могут сказать отношения, выстраиваемые в университете вокруг платы, например когда происходит разделение студенческих групп по принципу бюджетных и коммерческих мест, с преобладанием соответствующих льгот. Сегодня вводятся принципы оплаты труда преподавателей, основанные на принципах контракта и опирающиеся на максимум — деньги в обмен на результативность. Оплата труда преподавателя сама по себе не является свидетельством присутствия его на рынке, но рынок конструируется всякий раз, когда преподаватель и администратор начинают просчитывать, кто кому, сколько и за что должен⁴⁰. К вузам, вне зависимости от профиля программ, предъявляются критерии эффективности, связанные с объемом заработанных средств и уровнем заработной платы выпускников. Последний критерий отражает идею образования как инвестиции в человеческий капитал. Эта инвестиция становится для экономического агента альтернативой

---

³⁹ Это место в теории дара становится одним из затрудняющих его операциональное определение, если и поскольку прямое наблюдение за передачей вещи не может сказать, на каком цикле обмена находятся обменивающиеся и кто непосредственно (анонимность дара) стоит за передачей или возмещением дара.

⁴⁰ Последствия этой логики для преподавательской работы в ряде публикаций описал скандальный экономист Бруно Фрей (см.: *Frey B. S. Publishing as prostitution? — Choosing between one's own ideas and academic success // Public Choice. 2003. Vol. 116. P. 205–223*).

другим возможностям выгодного вложения денег и времени на рынке⁴¹. Рыночная ментальность стала частью академического мира, и находится все меньше аргументов, способных выступить в качестве альтернативы.

В России доминирует модель финансирования образования, которая опирается на принципы перераспределения и рыночного обмена, что можно наблюдать в структуре доходов разных типов вузов. Тем не менее существуют и исключения, которые могут быть изучены, например Европейский университет в Санкт-Петербурге, Российская экономическая школа, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет⁴². Данным университетам удастся быть активными в поле экономики дара и реализовывать за счет этого собственные научные, образовательные (например, давать бесплатные гранты на обучение лучших или бедных), просветительские, издательские проекты. Рынок, как известно, освобождает от обязательств, а дарообмен наоборот. Важность участия в привлечении третьих сторон необязательно ведет к сиюминутной экономической выгоде, но она может быть маркером укорененности университета в обществе его студентов, выпускников, благотворителей.

Таблица

Представленность источников финансирования российских вузов

Представленность источников финансирования	Государственный университет	Национальные исследовательские и федеральные университеты	ПСТГУ, ЕУСПб, РЭШ
Бюджетное финансирование (субсидии)	Высокая	Высокая	Низкая
Доходы от платных студентов, консалтинговой и научной деятельности	Низкая	Высокая	Низкая, средняя
Эндаумент, благотворительные фонды	Низкая	Низкая	Высокая

⁴¹ Современная теория человеческого капитала представляет собой одно из проявлений того, что было названо «экономическим империализмом»: экономическая теория капиталов была распространена на вне- и неэкономические сферы, такие, как, например, процесс накопления знаний, образование, здравоохранение, миграция и т. п. Истоки ее просматриваются в работах У. Петти, А. Смита, И. Фишера, А. Маршалла и других экономистов классического и неоклассического направления. Согласно А. Смиту, затраты на образование или обучение человека суть «капиталовложения в его способность зарабатывать в будущем, аналогичные вложениям в вещественный капитал; чтобы эти вложения экономически оправдали себя, они должны окупиться в течение трудовой жизни человека» (*Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе*. М., 1994. С. 42). При этом «человеческий капитал» у Смита однороден и представляет собой капитализированную ценность «приобретенных и полезных способностей всех жителей и членов общества» (Там же. С. 48). Экономистом, в сильной степени определившим понимание образования как инвестиционного блага, стал Г. Беккер (см.: *Becker G. S. Investment in human capital: A theoretical analysis // Journal of political economy*. 1962. Vol. 70. № 5. Part 2: investment in human being. P. 9–49).

⁴² Бюджет ПСТГУ на 80% формируется за счет пожертвований и деятельности фонда развития университета.

В действительности в круге обмена могут обращаться и обращаются совершенно разные вещи, которые затрагивают отношения преподавателей, студентов и администраторов внутри университета, а также организуют общение с внешней средой. Привлечение финансирования на образовательные и научные проекты, распределение времени и внимания преподавателей на студентов, организация и оплата труда преподавателя, взаимодействие между университетом и его выпускниками, передача знаний и идей — все это может создавать среду взаимности, которая выстраивается в логике дара⁴³.

Простые наблюдения за историей и деятельностью ПСТГУ позволяют утверждать, что в отличие от большинства российских университетов он не был построен в логике рыночного обмена или перераспределения. Университет не брал и не берет плату за обучение на основных программах, когда многие вузы выживали и зарабатывали за счет платных студентов. Будучи формально негосударственным, университет, реализуя свою миссию, давал знания по таким программам, которые в 1990-е гг. как минимум не гарантировали успешного трудоустройства выпускников. Университет получал средства за счет частных пожертвований, а не государства или платных услуг. В университете нельзя было заработать, но в нем можно было служить, то есть отдавать. Ситуация дара удерживалась в университете за счет группы священников, одновременно являвшихся администраторами и преподавателями вуза, состоявших в одной приходской общине. Важно то, что эта группа никогда не мыслила университет частным, а, напротив, общецерковным, и никогда не мыслила университет как узкоспециализированный на религиозной проблематике, а, напротив, как отвечающий университетскому принципу универсальности знания. Академическое сообщество вуза никогда не было тождественным или выстроенным исключительно вокруг этой группы священников, но всегда с ней соотносилось. Таким образом, идеи дара и служения получили религиозное обоснование и очевидную объективацию.

Заключение

В России можно встретить не так много статей и книг, в которых делается попытка осмысления университетского развития. Позиционными оказываются кейсы нескольких университетов, но особенно НИУ ВШЭ⁴⁴. В этих кейсах университет представляется как целостная корпоративная организация («супер-субъект») с ключевой ролью менеджмента в формировании политики, процессах

⁴³ Рискнем предположить, что любой университетский ученый, имеющий опыт продуктивной работы в группе, хорошо представляет себе ситуацию дара. В хорошем университете такая группа зачастую включает в себя не только ученых, но и администраторов, и студентов. Работа такой группы как творческого научного семинара предполагает способность его участников «дарить» свои идеи и «принимать как дар» идеи и соображения своих коллег. Каждый его участник понимает, что не смог бы написать свою статью без обогащения своих мыслей идеями, подаренными коллегами, и, напротив, в статьях коллег обнаруживает свои идеи.

⁴⁴ Фрумкин И. Д. Создание нового исследовательского университета: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия // Дорога к академическому совершенству: Становление исследовательских университетов мирового класса / Ф. Дж. Альбах, Дж. Салми, пер. М., 2012. С. 309–340; Радаев В. В. Пять принципов построения нового университета // Pro et Contra. 2010. Т. 14. № 3. С. 6–18.

принятия решений и сложном организационном маневрировании. Описания этих кейсов вполне «вписываются» в концептуализации Б. Кларка (концепция предпринимательского университета), и в предложенную схему Дж. Салми. Опыт создания конкурентоспособного университета в России — сага от управленцев, принявших на себя вызов, добывающих ресурсы и внедряющих инновационные организационные решения, поддерживающих баланс запросов и ответов, но отнюдь не история развития научных школ, циркуляции идей, студенческих побед, поддержки сообщества студентов, профессоров и выпускников, больших даров и т. п. Известно, что если не предлагаются другие модели объективации современного университета, они становятся объектом церемониального копирования для остальных, через различные формы принуждения⁴⁵. А сам факт копирования для управленца указывает на невозможность инновационного разрешения ситуации. Как минимум интересной становится идея поиска возможных альтернатив, которые могли бы объективировать другой «геном университета» и предложить вариант усиления связи университета и общества в широком смысле.

Ее реализация потребует перехода к совершенно иному набору исследовательских и практических вопросов и задач.

Переход от определения университета в качестве независимой (independent) организации по производству «полезных» знаний и показателей наукометрии к пониманию университета как укорененного (embedded) в экономике и обществе и формирующего необходимые для его развития человеческие добродетели. Такой пересмотр потребует разработки сложной методологии изучения и оценки университетского вклада (impact), с последующим выходом на разные группы, сопричастные его работе. Такой работы до сих пор в России не велось, хотя этот подход все чаще встречается в деятельности университетов мирового класса⁴⁶. Для проведения такой работы необходимо отказаться от простого понимания образования как ресурса, конвертируемого на рынке труда, и предложить методологию разностороннего влияния университета на жизнь человека, его цен-

⁴⁵ В организационной теории есть набор текстов, объясняющих, как и почему это происходит (см.: *Димаджио П., Пауэлл У. В.* Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // *Экономическая социология*. 2010. Т. 11. № 1. С. 34–56; *Мейер Д., Роуэн Б.* Институционализированные организации: формальная структура как миф и церемониал // *Экономическая социология*. Т. 12. № 1. 2011. С. 43–67). Применительно к университетам можно посмотреть: *Павлюткин И. В.* Конструирование университета как организации // *Экономическая социология*. 2011. Т. 12. № 1. С. 104–123.

⁴⁶ Интересующегося читателя можно отослать к соответствующим отчетам ведущих университетов мира: См., например, отчет университета Кембриджа «The Impact of the University of Cambridge on the UK Economy and Society». 2006 (Ресурс: <http://www.cam.ac.uk/news/the-economic-impact-of-the-university> (дата обращения: 18.09.2014)), отчет университета Бостона «Making a Difference in Massachusetts». 2008 (Ресурс: <http://www.bu.edu/esi/> (дата обращения: 10.10.2014)), отчет MIT Entrepreneurial Impact: The Role of MIT о вкладе в предпринимательство (Ресурс: <http://web.mit.edu/newsoffice/images/kauffman.pdf> (дата обращения: 14.10.2014)), отчет университета Стэнфорда «Impact: Stanford University's Economic Impact via Innovation and Entrepreneurship». 2012 (Ресурс: http://engineering.stanford.edu/sites/default/files/Stanford_Alumni_Innovation_Survey_Report_102412_1.pdf (дата обращения: 18.10.2014)).

ности и установки (семья, работа, гражданская вовлеченность, потребление, религиозность и т. п.)

Переход от определения университета в качестве предпринимательского агента, встроенного исключительно в рынки или процессы бюджетирования, к пониманию университета, укорененного в экономике дара. В российском высшем образовании процесс создания эндаументов различных университетов начался вроде бы недавно, но для отдельных вузов прошло уже более пяти лет, и результаты не являются впечатляющими (совокупный объем эндаументов едва превысит 100 млн долларов). Можно назвать считаное количество университетов, которым удалось создать и поддержать ассоциацию выпускников. Почему это происходит? Почему выпускники российских университетов не предлагают ответные дары? Возможно, само обучение студентов российских вузов построено так, что оно не включает их в круг обмена дарами, а воспринимается как рыночный обмен, инвестиция или услуга, которую мне оказали за мои или государственные деньги.

Такое смещение исследовательской рамки будет означать выстраивание соответствующей методологии и теории, которую можно постепенно апробировать на разных типах российских высших учебных заведений.

Ключевые слова: дар, университет, знание, богословие, экономика, теология высшего образования, рынок, сообщество, Дж. Г. Ньюмен, формальная организация.

THE UNIVERSITY AND THE GIFT: A PROBLEM DEFINITION

N. EMELYANOV, I. PAVLYUTKIN

The authors suggest introducing the notion of the gift into the theory and practice of the University life. They believe that the relationship of gift in transmission of knowledge is immanent to the management organization of the University. If knowledge is given as a gift and in the situation of gift-giving, then the University milieu should have the relationship of gift. The gift is described here as a theological and anthropological category and then juxtaposed with educational concepts of certain theologians and with ideas of modern economists. Proceeding from the notion of gift, the authors formulate the problem of today's University which consists in its economical conditionality and in the penetration of market ideology into the scholarly milieu. Transfer of knowledge, which is considered as an absolute value, when circulating within the process of gift-giving, in practice is often identified with utilitarian exchange: the knowledge acquires its price, what inevitably reflects the relationship between professors, students and University's administration.

Keywords: gift, University, knowledge, theology, economy, higher education theology, market, community, J. H. Newman, formal organization.

Список литературы

1. A Letter Addressed to the Duke of Norfolk on Occasion of Mr. Gladstone's Recent Expostulation. Certain Difficulties Felt by Anglicans in Catholic Teaching, 1900. Vol. 2. P. 300.
2. *Becker G. S.* Investment in human capital: A theoretical analysis // *Journal of political economy*. 1962. Vol. 70. № 5/2. P. 9–49.
3. *Clark B. R.* The Organizational Saga in Higher Education // *Administrative Science Quarterly*. 1972. Vol. 17. No. 2. P. 178–184.
4. *Derrida J.* Donner la mort // *L'éthique du don. Colloque de Royaumont*. P., 1992.
5. *Derrida J.* Donner le temps. 1. La fausse monnaie. P., 1991.
6. *Derrida J.* Foi et savoir, suivi par Le siècle et le pardon. P., 2000.
7. *Derrida J.* L'impardonnable et l'imprescriptible. P., 2005.
8. *Frey B. S.* Publishing as prostitution? — Choosing between one's own ideas and academic success // *Public Choice*. 2003. Vol. 116. P. 205–223.
9. *Gregory C.* Gifts and Commodities. L.; N. Y., 1982.
10. *Higton M. A.* Theology of Higher Education. N. Y., 2012.
11. *Krücken G., Meier F.* Turning the University into an Organizational Actor // *Globalization and Organization* / G. S. Drori, J. W. Meyer, H. Hwang, eds. Oxford, 2006. P. 241–257.
12. *Marion J.-L.* Au lieu de soi. L'approche de Saint Augustin. P., 2008.
13. *Melkumyan E., Prutskova E., Pavlyutkin I.* Religiosity, Social Capital and Civic Engagement: Cluster Effects on Russian Undergraduate Programmes // Paper presented in track 5 at the EAIR 36 th Annual Forum in Essen, Germany 27–30 August 2014 (Ресурсы: <http://eairaww.websites.xs4all.nl/forum/essen/PDF/1514.pdf> (дата обращения: 23.10.2014)).
14. *Milbank J.* Being Reconciled: Ontology and Pardon. L., 2003.
15. *Ramirez F. O.* The Rationalization of Universities // *Transnational Governance: Institutional Dynamics of Regulation* / M.-L. Djelic, K. Shalin-Andersson, eds. Cambridge 2006. P. 225–244.
16. *Webb S. H.* The Gifting God: A Trinitarian ethics of excess. N. Y., 1996.
17. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.
18. *Годелье М.* Загадка дара. М., 2007.
19. *Даймонд А. М., мл.* Поведение университетов и ученых: экономические объяснения // *Экономика университета: институты и организации* / М. В. Семенова, ред. М., 2007. С. 8–48.
20. *Димаджио П., Пауэлл У. В.* Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // *Экономическая социология*. 2010. Т. 11. № 1. С. 34–56.
21. Дорога к академическому совершенству: Становление исследовательских университетов мирового класса / Ф. Дж. Альтбах, Дж. Салми, пер. М., 2012.
22. *Емельянов Н. Н., Мелкумян Е. Б., Павлюткин И. В.* Православный университет и общество в России. Выпускники православного университета: поведение, ценности, установки. М., 2013.
23. *Забавев И. В., Павлюткин И. В.* Университет и два значения ответственности: объективация общественных эффектов образовательных институтов (на примере опроса выпускников православного университета) // *Вопросы образования*. 2014. № 2. С. 202–221.
24. *Каллист Диоклийский, еп.* Священное Писание и святые Отцы о богословском образовании // *Богословский сборник*. Вып. 1. М., 1997. С. 142–152.

25. *Мейендорф И., протопр.* Православное богословие сегодня // Пасхальная тайна. Статьи по богословию. М., 2013. С. 712–730.
26. *Мейендорф И., протопр.* Свет с Востока? «Богословствование» в перспективе Восточного христианства // Пасхальная тайна. Статьи по богословию. М., 2013. С. 745–764.
27. *Мейер Д., Роуэн Б.* Институционализированные организации: формальная структура как миф и церемониал // Экономическая социология. Т. 12. № 1. 2011. С. 43–67.
28. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 797–838.
29. *Нуссбаум М.* Не ради прибыли: Зачем демократии нужны гуманитарные науки / М. Бендет, пер. М., 2014.
30. *Ньюмен Дж. Г.* Идея университета. Минск, 2006.
31. О Даре. Дискуссия между Ж. Деррида и Ж.-Л. Марионом / В. Р. Рокитянский, пер. // Логос. 2011. № 3 (82). С. 144–171.
32. *Павлюткин И. В.* Преодолевая границы между государством и церковью: случай православного университета // Этнографическое обозрение. 2012. № 3. С. 47–64.
33. *Павлюткин И. В.* Конструирование университета как организации // Экономическая социология. 2011. Т. 12. № 1. С. 104–123.
34. *Радаев В. В.* Пять принципов построения нового университета // Pro et contra. 2010. Т. 14. № 3. С. 6–18.
35. *Ридингс Б.* Университет в руинах / А. М. Корбут, пер. М., 2010.
36. *Скорин-Чайков Н. В.* Медвежья шкура и макароны: о социальной жизни вещей в сибирском совхозе и перформативности различий дара и товара // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 2. С. 59–81.
37. Творения аввы Евагрия. М., 1994.
38. *Фруммин И. Д.* Создание нового исследовательского университета: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия // Дорога к академическому совершенству: Становление исследовательских университетов мирового класса / Ф. Дж. Альтбах, Дж. Салми, пер. М., 2012. С. 309–340.
39. *Эренберг Р. Г.* Теория Адама Смита и университеты: экономист становится управляющим вуза // Экономика университета: институты и организации / М. В. Семенова, ред. М., 2007. С. 78–107.